

Союз
писателей
Москвы

Библиотечка
ПОЭЗИИ

Выпуск № 13

Анна
Галанина

Вдоль занавески

Страницы современной поэзии

Москва 2014

Союз писателей Москвы

Библиотечка поэзии

Серия «Страницы современной поэзии»

Анна Галанина

Вдоль занавески

Стихи

Москва 2014

**ББК 84 Р7-5
Г-50**

**Библиотечка поэзии
Союза писателей Москвы**

Главный редактор
Людмила Осокина

Редколлегия

Елена Исаева
Алексей Караковский
Кирилл Ковальджи
Нина Краснова
Татьяна Кузовлева
Елена Лапшина
Галина Нерпина
Александр Тимофеевский

Галанина А.Т.

Вдоль занавески: стихи. - М.: Союз писателей Москвы, 2014. - 32 с. (Библиотечка поэзии СПМ: серия «Страницы современной поэзии»).

Анна Галанина родом из Белоруссии, из Минска. Окончила энергетический факультет Белорусского политехнического института. В настоящее время работает в Москве экспертом международного органа по сертификации.

Стихи начала писать 5 лет назад. Публиковалась в журнале Союза писателей Белоруссии «Нёман». Это ее первая книга.

ISBN 978-5-255-01677-50

@ А. Галанина, 2014
@ БП СПМ, 2014

О нашей библиотечке

Поэтическая библиотечка Союза писателей Москвы начала издаваться в августе 2008 года по инициативе поэтессы и члена СПМ Людмилы Осокиной на базе Информационно-Издательского Дома «Профиздат».

В качестве эксперимента была издана книжка Нины Красновой, она получилась с тремя разными вариантами обложки. Впоследствии макет обложки изменили и книги стали выходить в теперешнем виде.

В библиотечке решено было издавать только членов Союза писателей Москвы. За это время вышли книги Александра Ревича, Евгения Бунимовича, Елены Лапшиной, Юрия Влодова, Бориса Дубровина, Людмилы Осокиной, Рады Полищук, Ивана Смирнова, Эдуарда Грачева и Раисы Быстровой. Книжка Быстровой вышла в мае 2012 года и оказалась на тот момент последней. Выпуск библиотечки был приостановлен по некоторым причинам.

И вот сейчас, спустя почти 2 года, мы решили издание библиотечки продолжить, потому что, как показала практика, выпуск таких книг жизненно необходим писателям. У писательского союза должна быть собственная библиотечка. Да и сам формат – формат небольших книжечек объемом в 32 страницы, очень полюбился авторам. Эти книжки-визитки очень удобны, их без проблем можно носить с собой, приятно дарить и легко читать.

Единственное, что решили изменить, так это расширить состав авторов, предоставить возможность издаться в нашей библиотечке не только членам нашего союза, но и каким-то другим интересным поэтам. Также планируем издавать и авторов, уже ушедших из жизни.

Поэтому, возможно, в библиотечке будет несколько серий. Авторы, не состоящие в нашем союзе, будут идти не в базовой версии, а в серии «Страницы современной поэзии». Возможно появятся серии: «Память» – для умерших поэтов, «Голоса молодых» – для молодых авторов, «Мастера» – для признанных мастеров поэтического цеха.

Редколлегия

Чуть южнее севера – Петербург,
а восточней запада – Ленинград.
Это стрелка компаса, сделав круг,
повела часами бродить – назад,

где туманной памяти – острова.
Там дома с парадными до сих пор,
и белее снега на Покрова –
свет, летящий сверху в колодец-двор.

В нём и южный ветер тревожно-стыл,
и считать ушедших легко – до ста...
А когда собьёшься – сведут мосты,
и дойдёшь до Аничкова моста...

Поплюёшь в Фонтанку – такая муть...
На коней посмотришь – и всё же, мощь.
И пойдёшь обратно – куда-нибудь,
где чернее вечера будет ночь.

Фонарный луч, мотыльковый снег...
Смотреть, прищурившись, не дыша...
Скользят прохожие – следом в след –
скрипучей тенью карандаша.
И каждый точен, морозно свеж
и акварелен, возможно, но
в огнях фонарных – топлёный беж –
эскизно-угольно за окном,
где ночь – чернильна её душа –
штрихует мелом людей черты...

Анна Галанина

За тенью тень... И снежит, спеша,
фонарь, вычёркивая:
– Не ты...

Всё суета, мой дорогой, всё суета...
Твой город – странный, не улыбочивый, и всё ж,
он открывается, когда ты занята –
несёшь свой крест, и что попало, – всё несёшь.

Он принимает. Забирает и даёт –
всё как обычно, дорогой. Но иногда,
кружа Бульварным, вдруг услышишь, как поёт
о чём-то дальнем свиристель на проводах.

И чемодан-верблюду услужливо горбат –
привык летать. Такой вот выдался Пегас...
Везде Арбат, мой дорогой. Везде Арбат –
его штампуют замечательно, на «раз».

И что ни город, – всё один торговый ряд
и небоскрёбы – от велика до мала...
А на Полянке удивительно звонят
колокола, мой дорогой... Колокола.

Отражением в окнах поезда,
проплыла проводница с чаем...
Шесть стаканов нести не боязно –
лишь по ходу бедром качает...
Время сонно рывками движется,
ускоряясь на полустанках,

и листает в окошке книжицы
у попутчиков – наизнанку.
Замедляется... Параллельные,
отражаясь, уснули люди –
завернулись в бельё постельное,
только пятки в проходе студят.
И качается отражением
то купе, то фонарь бродячий –
то ли поезд застыл в движении,
то ли время идёт иначе –
разомлевшее в сновидениях,
потерявшихся и вчерашних,
тянет песенку незатейливо:
– Если раньше бы, если б раньше...

Из крана тупо капает вода...
Из жизни вытекает смысл по капле –
тот самый, что когда-то Бог подал,
как будто ты актёришка в спектакле –
но не герой, а на других ролях...
Твой выход: «Кушать подано» и «Здрасьте».
И ты стоишь в рисованных дверях
три акта – под ружьём. На сцене – страсти:
герои и злодеи шебуршат
под гулкое чириканье суфлёра.
А ты стоишь, как надо – не дыша.
До выстрела. До самого упора.

Потом идёшь в гримёрку, где бардак,
текущий кран и лифчики на стульях,
и понимаешь – что-то здесь не так –

Анна Галанина

тебя, как тряпку выжали. Надули.
Наобещали миллион чудес,
но чтобы не делиться – пристрелили.
Ружьём – тем самым, что имело вес.
Оно – имело, но не ты... Не ты ли
теперь – полтруп, полупроводник
великого и вечного искусства,
которому зачем-то нужен лик –
пустой, и твой всегда подходит... Пусто
и безысходно... Поступает знак,
что кушать, хоть и подано, да рано...

Понять бы – что же вышло-то не так...
И надо заменить прокладки в кранах.

Бездорожье. Бездорожица.
Дураками путь проложен.
В лужах тучи строят рожицы,
а асфальт пробитый – рожи,

и на все четыре стороны –
перепутица, беспутье.
Перелётный зонтик здорово
головой по ветру крутит,

в небо спицами таращится,
вырывается на волю.
Перебьётся. Переплачется.
Капли – звоном колоколен,

и крутой тропой нехоженой

дождь слепой ведёт по следу.
Как придётся. Как положено –
до победы беды, беды...

У ночи не хватает нот на фугу –
бессонницей приблизилась к лицу
и бросилась по замкнутому кругу –
по транспортному третьему кольцу.

По городу, из города, изломом
изогнутого струнами моста.
Прощалась с этим городом, но словно
держал, не отпуская, нотный стан,

огнями габаритными запутав
и дальними - разнузданно кружа...
Выстраивал по-своему, как будто
по нотам остриём карандаша.

Не вырваться... Бессонница кругами
петляет, повторяя пару нот,
и главных не хватает в этой гамме,
и круг не разорвать своими... Но

московской вечной песне "было-стало"
неважно, кто поёт - в конце концов,
ленивым воркованьем с пьедесталов
откроется Бульварное кольцо.

Спит сиреневый бульвар –
детки, мамки на скамейке...
Миг – и дворник в тубетейке
на метле прогарцевал.
А за ним пошли толпой –
и не тени, и не люди:
каждый третий ликом чуден,
а второй – хорош собой.
Не по-здешнему галдят...
Рассчитались... Ворон смотрит
на идущих строем по три,
серых в яблоки галчат.
Чёрный ворон. Вороной.
Прошагал неторопливо.
Облака пошли с отрывом
черепаховой волной...
Три синицы, пять грачей
пронеслись чудной когортой,
во главе – сорока гордо.
Всё всерьёз, без мелочей...
Лишь бродяга воробей,
необъезженный немного,
ковылял ни с кем не в ногу
и разглядывал людей.
И конечно, проморгал –
прозевал и прочирикал,
как пронёсся дворник с криком,
всех размёл и разогнал.

Свет в кафе у перекрёстка...
Греет мысли чашка кофе.
В окнах тени ходят просто –
изменив анфас на профиль.
И висит в оконной раме
репродукция прохожих.
Может, каждый многогранен
и единственен, быть может,
только здесь всё одномерно –
кофе в чашке, сахар в ложке...
Придорожная таверна
упрощает всё немножко.
Были мысли – стали песни,
мир свернулся без движенья,
и не думать просто, если
стать оконным отраженьем,
для прохожих – силуэтом,
невидимкой – для кого-то...
Для себя – почти поэтом,
опоздавшим на работу.

Левее от фонарного столба
и справа от бочонка с рыжим квасом
свернуть туда, где не слышна толпа
и сытый дух московский, дух колбасный.
Вперёд, пока есть силы... Там, пыля,
девчушка жмёт размеренно педали...
А дальше – лес и поле... Нет, поля –
куда ни посмотреть: поля и дали.
И бабушкин, на пять окошек, дом.

Анна Галанина

А, может быть, – всех бабушек на свете...
Там дед стучит усердно молотком –
как все деды, за каждый гвоздь в ответе.
И всё взаправду, и наоборот,
и есть чулан, где прячутся потери...
Там домовой за печкою живёт.
Он может быть, сейчас в меня не верит.

Небо зашторено розовой веткой...
Вдоль занавески планета нехожена,
лес у опушки берёзовый, редкий,
дождь пробивает вишнёвой горошиной.

Речка петляет – запуталась в складке,
где за домами поля акварельные.
Ветром дымок раздувается сладкий –
чай с чабрецом или что-то с вареньями.

И не хватает всего-то немножко,
где у планеты материя светлая,
чтобы к тебе дотянулось в окошко
счастье на блюдечке с розовой веткою.

Под утро – кофе... Но рассвет
нельзя продлить, чтоб не мешали
додумать пару мыслей – жаль, им
не предназначено бесед.
У одиночества нет слов –
хотя, бывают откровенья,
банальные, как чай с вареньем –

домашним, если повезло
иметь старушку на селе.
И хорошо бы – счастье в доме...
Темно... Луна в рассвете тонет –
вишнёвой косточкой в желе...
Тугим комком свернулась мысль,
что надо просто жить. И выжить.
Бессмертие, конечно, выше...
Под утро давит эта высь.

День уходит. Был – и нет.
То ли вечер, то ли тучи.
Тень фонарная тягуча –
то ли сумрак, то ли свет.

То ли звёзды без луны,
чудеса бесцветны то ли –
без свободы и неволи,
без вина и без вины –

нет ни дыма, ни огня,
беспросветно в серой дали...
Бесконечно не хватает
то ли жизни, то ли дня.

Как будто нет больше никого –
тебя, меня... Только снег и дворник.
Скребёт с утра, обметая корни,
двора заснеженного ковёр...
Он замораживает... Ну вот –

Анна Галанина

твои следы отряхнул с дороги
и поклонился сугробу в ноги –
там Бог зимы до весны живёт
и охраняя под снегом двор,
следит, как дворник скребёт лопатой,
как будто каторжник, виноватый,
что не обжаловал приговор...
А мы воришки – украли свет
и теплоту у холодной ночи,
и ждём спасения... Тихо очень,
и дворник наш замечает след.

Солнце размазано по обоям,
тени от шторы – на солнце пятнами.
Утра и вечера бег удвоен –
ходят по кругу. Туда, обратно, и –
до бесконечности... Дура-дурой
муха страдает, жужжит за рамами.
Нам за оконною квадратурой
биться не поздно. Бояться – рано ли...
Мысли упругие – шаг за шагом
прошлое меряют безразмерное,
белые пятна хватая жадно,
чтобы закрыть темноту, наверное.
А на границе окна и света
муху паук без сомнений мучает...
Светлые мысли укрылись где-то –
там, где бессмертие – дело случая.

Если долго бить баклуши
и лениво ветер слушать,
и листать легонько мысли
в невесомой звёздной выси,
и огарочек свечи
жечь от полночи в ночи,

то к свинцовому рассвету
ты поймёшь и то, и это,
и останется немного –
да и ладно с ним, ей Богу,
лишь бы только до зари
кофе крепче заварить,

завернуться в полушалок,
сон прогнать, чтоб не мешал он,
и забыть про всё на свете –
только ночь, свеча и ветер,
и уснуть, когда взойдёт
солнце задом наперёд

из рассветного заката
в облаках тяжёлой ваты,
в утомлённой ближней дали,
где всю ночь чего-то ждали,
да не вышло... Всё прошло
за каким-то там рожном.

Лихорадило. Виноградиной –
апельсиновая таблеточка...

Анна Галанина

Обещало душевно радио,
да чужое пальто на плечиках,
что настанет другое времечко,
а принцессы проснутся с принцами.
И глотались таблетки-семечки,
и жевались в охотку принципы.
Но в приёмнике человечики
замолчали... На перекладине
усмехались пустые плечики...
Померещилось. Лихорадило.

Послезавтра начнётся начало начал,
и стареющий Бог и бродяга Сын
обретут примененье своим плечам –
чтоб никто не остался впотьмах один.

И для этого завтра проверят свет,
раскрутив потемневшего солнца диск.
Ты узнаешь об этом в своей Москве.
Я, наверное, позже – застыл мой Минск,

и сегодня во тьме замирает дух,
без него нам никто не дарует нас...
Но уже подготовлен отсчёт до двух –
ты подумай об этом, и будет:
– Раз...

Приснилось тридцать три апреля
и в них – тринадцать воскресений.
Ступени старые скрипели

под лёгким воздухом весенним.

Летела, падала, вставала,
теряла туфельки и годы...
Привиделись глаза-опалы
кошачьи возле небосвода...

И наконец, устала падать.
С небес кота спихнула в кресло,
от твоего проснулась взгляда –
и на один апрель воскресла.

Жить со счастьем по соседству
на границе сонных улиц,
где бегут трамваи в детство,
чуть от старости сутулясь.
Говорить прохожим:
– Здрасьте, –
и идти неторопливо
в старый сад, где дремлет счастье
на скамеечке под сливой.
Отыскать дыру в заборе,
посмотреть – никто не видит –
и в кино пройти. Пусть спорят:
– До шестнадцати не зритель!
Потеснится ряд мальчишек,
после – шёпот, смех, но скоро
вам сердито скажет:
– Тише! –
тётка старая, лет сорок.
А потом – домой, зевая:

Анна Галанина

скучный день, каких не надо.
И не знать, что так бывает
только там, где счастье рядом.

Чёрный город глухо ворчит.
Чёрных машин приглушённый кашель.
Страшно, словно где-то в ночи
дверь не закрыли туда, где страшно.

Переулками пережат
дом, потерявшийся в груди прочих.
Лунный луч остриём ножа
чёрные стены начерно точит.

И провалом пятно в ночи –
чёрный кот – тенью призрака ночи...
Страшно так, словно смерть почти
подошла – и страшно смерти хочет.

Лиловая эскадра облаков
на рейде у пролива Лаперуза...
А к нам пристали тучи сухогрузом,
подмокшие у дальних берегов.

А там, конечно, крутится земля –
весёлая, как праздничный фонарик,
а здесь круговорот какой-то хмари –
наверное, так надо скуки для...

И там – не здесь, а здесь – ни то, ни сё,

и жизнь без удивления проходит,
а где-то в море рыжий пароходик
барашки волн упрямые пасёт.

Но если перепутать ночь и день,
и здесь увидеть можно возле дома,
как за морем пылится невесомо
лилово-кучевая дребедень.

Сегодня солнце было на обед,
и рыжий клён сиял, как гвоздь в петлице –
гвоздика, то есть. Как не ошибиться,
когда гвоздём стучала гулко птица
по краю крыши – дворнику в ответ.

А дворник мёл уныло старый двор,
сребрая листья, словно бы купюры –
шуршали, то есть, листья... Был он хмурым,
но утешался частым перекурором,
не замечая белый свет в упор.

А белый свет ответно не страдал,
как будто знал, что завтра будет хуже –
дождливо, то есть. Клён утонет в луже,
притихнут птицы, дворник станет нужен,
когда просохнет рыжая вода...

Но это завтра. А сейчас на ужин
подали месяц. То есть, Бог подал.

Анна Галанина

Отстать от поезда просто так –
затем, что в город – не тот – билеты,
и на табло отыскать приметы
и несвободные поезда...

Не замечать, как зудит вокзал,
и стать попутчиком на минуту
любому встречному, кто кому-то
глядит в заплаканные глаза.

Пойти назад – город взять в обход,
сменить билет, поезда и лица,
и равнодушная проводница
подаст команду идти вперёд,

чтоб стало важным не то, что тут
разжаты пальцы у рук сплетённых –
а то, что где-то рассветом тёмным
к перрону поезд не подадут.

А после – щурить на свет глаза
и мучить в тамбуре сигарету,
и понимать, что по всем приметам,
твой сонный поезд летит назад.

И день прошёл, как жизнь пройдёт...
Балкон, закат и тихий вечер.
И незаметно время лечит,
и откровенно сердце врёт.

Шаги прохожих шепотком,
слова бегут – вперёд и мимо,
и облака кружатся дымом,
сметая тени за балкон.

А ты на краешке дорог –
стоишь, насвистывая «Чижик»,
и греешь руки солнцем рыжим,
считая мелочь и ворон.

И твой рассвет, и мой закат, –
бегут навстречу по планете.
И всё равно, кому что светит
сквозь расписные облака.

У тебя для меня лишь обиды в горсти.
У меня для тебя – кружевами обман.
Если можешь – забудь, если хочешь – прости.
Я запутаю всё остальное сама.
Сто ненужных дорог, маяков тупики...
От меня до тебя – заплутаю в ночи.
Если хочешь – постой, если можешь – беги.
Слышишь? Поезд последний по рельсам стучит.
На развилке путей – сотня главных дорог,
сонный стрелочник знает, который – мой путь.
Уходить навсегда – бесконечно старо.
Я уйду просто так. Как всегда. Как-нибудь.

Долго, надолго, издалёка,
из высокого висока,

Анна Галанина

переливами в стёклах окон
плыли сонные облака.

Отражали дома и тени
на асфальте и мостовой,
от тебя до меня летели,
разделяя меня с тобой.

И снежинки из них лепила
мне, конечно, твоя рука.
И дождями наотмашь была
из далёкого далека.

Но я всех – и тебя – нахальной,
всемогущая, словно Бог –
я леплю облака дыханьем,
чтобы мною дышать ты мог.

Безветренно на краешке земли,
пустынно... Ограждение по краю
с табличкой – чтобы души не могли
свалиться, в безвоздушье улетаю.
На подступах почти как на войне –
чеканный шаг и сторбленные плечи,
венки плывут рядами по волне,
и кто-то: «Жди меня», – кому-то шепчет...
Любовь идёт нейтральной полосой,
и сонная дорожка потайная,
но жизнь и смерть одной на всех косою
идущих к ним по край земли равняют.
А Бог сидит устало на мели,

качая чью-то душу на ладони:
– Порезалась о краешек земли?
И гладит осторожно, где болит,
и смотрит, как земля у неба тонет.

Ветра и света хватило всем,
счастья и горя – попеременно...
Смертно мотая узлы из вен,
жизнь по живому бьёт – внутривенно.

Переполняется до черты,
где даже смех застревает комом,
и не поймёшь – то ли умер ты,
то ли и прежде – сплошная кома.

Только уверен, что это – край,
и на руке не осталось линий,
кроме черты, за которой грань –
жизнь на покинутой половине.

И у тебя есть один резон
жизни застывшей пробить давление –
нарисовав на краю резцом
пару имён
и стихотворений.

У развилки трёх путей –
хоть налево, хоть направо –
то ли ангелов орава,
то ли тысяча чертей.

Ясен перец – тёмный лес,
напрямик дорога снова,
где ни доброго, ни злого,
слева – ангел, справа – бес,
и неважно – нечет, чёт –
если всё угодно Богу.
И присядет на дорогу –
то ли ангел, то ли чёрт.

Время позднее.
Звёзды гроздьями
на антеннах и проводах.
На термометре – безморозие.
Межсезонная маета.

Делать нечего.
Время мечется,
как безгрешие без гроша –
безотчётное. Этим вечером
откровениям – дорожать.

Слышать главное.
Мысли главами –
на бумагу из-под полы,
где некормленные двуглавые –
медно-мелочные орлы.

Утро раннее.
Ближе – дальнее,
мелочь царственно далека...
Бог за пазухой – так сохраннее
ныне, присно и на века.

Вначале было темно, и слово
искало выход, а может – дело.
Добра не видя, не зная злого,
из пустоты в никуда летело,

где мысли, жизни не видя – жили,
и было страшно от новой каждой.
А где-то были слова чужие
сильней бессмертия в рукопашной.

Им было что-то своё известно,
да не хватало простого слова –
оно держалось у края бездны,
вставая, падало – снова, снова...

Вставая, билось у тех пределов,
где застывали от страха души...
Ему мешало всего лишь тело –
хотело жить и немного кушать.

Уходили капитаны,
уводили каравеллы,
вслед смотрели истуканы,
след теряя белый, пенный,
а на берег в свете брызг
выходили толпы крыс –

обживали щели, скалы,
объедали рыбы спины
и тарацились с оскалом

Анна Галанина

на застывших исполинов,
проверяя на зубок,
кто слабее, кто – не Бог.

Исполинов песня спета...
Но смотрели виновато
бригантины и корветы,
каравеллы и фрегаты,
на своих забытых крыс.
С облаков смотрели. Вниз.

Если гром ревёт со страстью
самой грозной из атак,
надо курс держать на хлястик
разноцветного зонта.

Напрямик – туда, где кнопка
разудалая дрожит
и выписывает робко
среди молний виражи.

Спицы – стропы парашюта,
зонт пытается лететь,
но пугает – не до шуток –
вспышек огненная медь.

Не сдаётся только хлястик
в направлении «вперёд».
Он-то знает, – дождь не властен.
Ты идёшь. И дождь идёт.

Опять пугают осень и долги,
и от рассвета к ночи – путь недолог...
А скоро – запах ёлочных иголок,
и мишурой в окне – луны осколок
пробьётся сквозь бесцветие пурги.

И будет соль подтаявших дорог,
и сладок – сон, а жар от печки – дорог,
когда возьмёшь бессонницу измором –
под чай с малиной и страничек шорох,
пока ложится снег на твой порог.

И белый свет замрёт – окном распят,
а первый снег порадует раз пятый,
пока последний – не мелькнёт заплатой.
И за весну потребует расплаты
капли оглушительный набат.

Папе

Дыхания хватало на ура,
а силы на «вперёд» и «сдали Оршу».
А больше ни на что. Ничто не больше,
чем прошлое, убитое вчера.

Тогда колонна беженцев ползла,
бежала, разрывалась от снарядов,
и смерть была везде, а лес – не рядом...
А после – кто живой, кто опоздал...
Сиреневые жилы у детей –

Анна Галанина

у маменькиных баловней вчерашних –
а их терзали вороны на пашне,
и рядом спали матери... Не те,
что гладили тихонько синяки
и пели колыбельные устало.
Убитые. Их смоеет снегом талым,
и вырастут в глазницах васильки.

Но это через годы... А пока
/до выдоха: «до дна», – за «взяли Прагу!»/
живой мальчишка собирал вагагу
друзей, глядящих слепо в облака.

Толочин

Бабушке Мине и папе

Черта оседлости не держит ни черта...
Местечко жалось к перекрёстку всех обочин.
Погромов не было. Так – сдуру. Между прочим.
И между делом, дней тянулась череда.

Хватало времени работать и рожать,
и не скучны, но и недолги, были ночи –
мастеровых ковали жарко здесь. Короче,
была у каждого – и родина, и мать.

И вдруг – война. Толочин съёжился – вражды
почти не знали здесь, а жить хотелось очень...
Мироточить канавы стали вдоль обочин –
так жадно жить хотели мёртвые жида –

те, что остались. И с детишками, и без...

На дне могил их жёлтых звёзд чернели клочья.
Спаслись отчаянные – без надежды, молча,
детей в охапку, и с бегущим фронтом – в лес.

И – до Урала... У евреев много сил –
босые ноги в кровь месили пыль обочин...
А где-то прятался за ставнями Толочин
и никого на том пути не приютил.

*Маме и узникам детского лагеря смерти
«Красный берег»*

День весенний. Фронт вдали -
жить надёжнее при тыле.
Если только бы в пыли
бабы меньше голосили...

Дети плачут, бабы – в крик...
Офицер нахмурил брови –
фронту, что ни говори,
не хватает детской крови.
И вздохнув, сажал детей
в грузовик, деля по росту,
не стреляя в матерей,
что кидались под колёса...
А в пути дышать не мог –
но от пыли задыхаясь,
отдал девочке платок,
чтоб не кашляла, икая.
И ссутулясь, вёз детей
в лагерь смерти, где из крови

Анна Галанина

добывали силу те,
кто – не люди.

В час неровен
грузовик вёз дань от сёл.
Был конвой добрее пыли.
День весенний, ландыш цвёл...
Где-то дети жили... были...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О нашей библиотечке.....</i>	<i>3</i>
«Чуть южнее севера...».....	4
«Фонарный луч...».....	4
«Всё суета...».....	5
«Отражением в окнах поезда...».....	5
«Из крана...».....	6
«Бездорожье...».....	7
«У ночи не хватает нот на фугу...».....	8
«Спит сиреневый бульвар...».....	9
«Свет в кафе у перекрёстка...».....	10
«Левее от фонарного столба...».....	10
«Небо зашторено розовой веткой...».....	11
«Под утро...».....	11
«День уходит. Был – и нет...».....	12
«Как будто нет больше никого...».....	12
«Солнце размазано по обоям...».....	13
«Если долго бить баклуши...».....	14
«Лихорадило...».....	14
«Послезавтра...».....	15
«Приснилось тридцать три апреля...».....	15
«Жить со счастьем по соседству...».....	16
«Чёрный город...».....	17
«Лиловая эскадра облаков...».....	17
«Сегодня солнце было на обед...».....	18
«Отстать от поезда...».....	19
«И день прошёл, как жизнь пройдёт...».....	19
«У тебя для меня лишь обиды в горсти...».....	20
«Долго, надолго, издалёка...».....	20

«Безветренно на краешке земли...».....	21
«Ветра и света хватило всем...».....	22
«У развилки трёх путей...».....	22
«Время позднее...».....	23
«Вначале было темно...».....	24
«Уходили капитаны...».....	24
«Если гром ревёт...».....	25
«Опять пугают осень и долги...».....	26
«Дыхания хватало на ура...».....	26
Толочин.....	27
«День весенний. Фронт вдали...».....	28

Библиотечка поэзии СПМ
Серия «Странички современной поэзии»
Выпуск 13

Анна Галанина

Вдоль занавески
СТИХИ

Издание Союза писателей Москвы

Выпускающий редактор Л.М. Влодова.
Верстка и макет: Л.М. Влодова.

Отпечатано в типографии SenatPress

Союз писателей Москвы продолжает выпуск своей поэтической библиотечки. За это время вышли книги Цины Красновой, Александра Ревича, Евгения Бунимовича, Елены Лапшиной, Юрия Влодова, Бориса Дубровина, Людмилы Осокиной, Ивана Смирнова, Рады Полицук, Эдуарда Грачёва, Раисы Быстровой.

Анна Галанина

Библиотечка
ПОЭЗИИ

Союз писателей Москвы